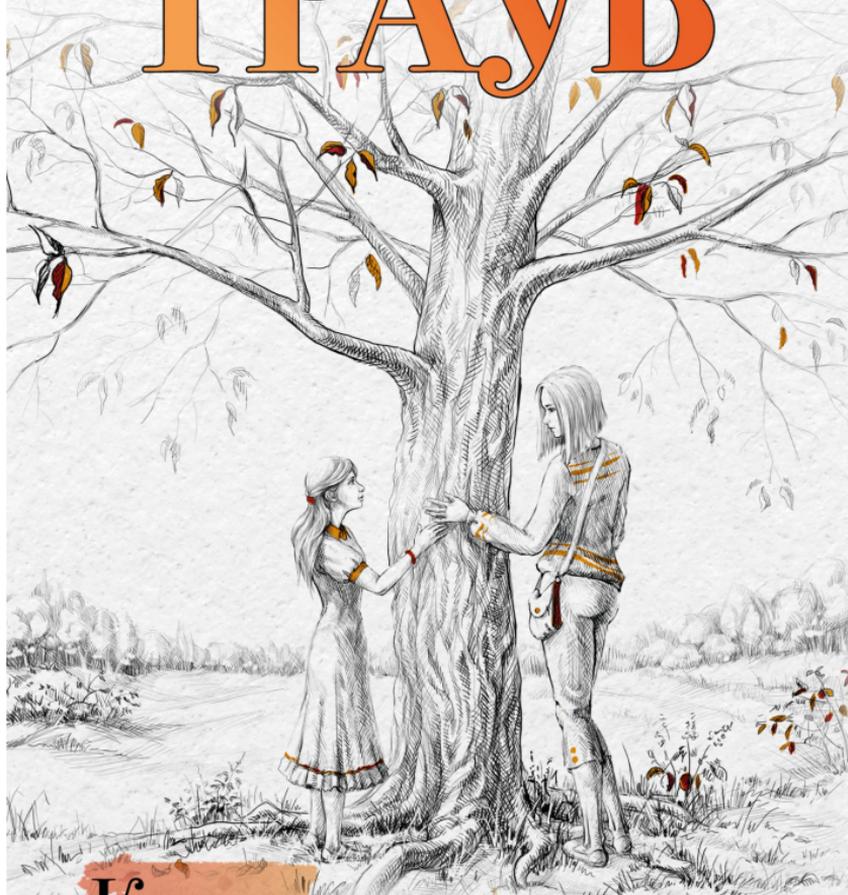

МАША ТРАУБ

Когда мама —
ЭТО ТЫ

Маша Трауб
Когда мама – это ты
Серия «Проза Маши Трауб.
Жизнь как в зеркале»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67248846
Когда мама – это ты / Маша Трауб: Москва; Эксмо; 2022
ISBN 978-5-04-166290-5

Аннотация

Долгожданная новинка от Маши Трауб. Как всегда легко, как всегда блистательно, как всегда есть над чем улыбнуться и о чем задуматься.

Эта книга сложилась из тех самых пресловутых пометок в блокноте, о которых так часто спрашивают читатели. Пометки я делаю редко, потому что все равно забываю, куда записала. Даже этот блокнот сохранила лишь по той причине, что в нем рисовала двухлетняя малышка, дочь моей подруги, а ее сестра-первоклассница придумывала собственный шрифт. В этом же блокноте я писала для нее смешные рифмы и объясняла разницу между твердым и мягким знаками, которые первоклашке казались одинаковыми. «Ну кто все эти буквы изобрел? Они о детях вообще думали?» – возмущалась моя ученица... И здесь же – заметки на строчку, две, абзац. Реальные ситуации,

которые меня чем-то потрясли, удивили, рассмешили. Эта книга – коллекция маленьких историй о больших чувствах.

«Когда мама – это ты», которую сама автор определяет как «коллекцию маленьких историй о больших чувствах», густо заселена персонажами: вот маленькая девочка, которая не понимает разницу между твердым и мягким знаками, вот повариха из пионерлагеря, у которой сердце давно покрылось коростой; вот девочка из номенклатурной семьи, которую родители прислали в лагерь «для социализации», и ее подруга, которую те же родители выбрали на роль приживалки.

Маша перемещает нас из эпохи в эпоху – от советских времен до нынешних, выводя на сцену одного героя за другим, заставляя нас сопереживать и возмущаться. И неизменно восхищаться талантом автора – непревзойденной рассказчицы, подмечающей в обычной жизни то, что скрыто для других.

В этой книге вы найдете всё, за что цените Машу Трауб: легкий слог, мгновенный переход от комического к трагическому, героев, которые и похожи на ваших друзей и родных, и чем-то неувлимо отличаются от всех остальных людей.

Маша Трауб

Когда мама – это ты

© Трауб М., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Долгожданная новинка от Маши Трауб. Как всегда легко, как всегда блистательно, как всегда есть над чем улыбнуться и о чем задуматься.

Эта книга сложилась из тех самых пресловутых пометок в блокноте, о которых так часто спрашивают читатели. Пометки я делаю редко, потому что все равно забываю, куда записала. Даже этот блокнот сохранила лишь по той причине, что в нем рисовала двухлетняя малышка, дочь моей подруги, а ее сестра-первоклассница придумывала собственный шрифт. В этом же блокноте я писала для нее смешные рифмы и объясняла разницу между твердым и мягким знаками, которые первоклашке казались одинаковыми. «Ну кто все эти буквы изобрел? Они о детях вообще думали?» – возмущалась моя ученица... И здесь же – заметки на строчку, две, абзац. Реальные ситуации, которые меня чем-то потрясли, удивили, рассмешили. Эта книга – коллекция маленьких историй о больших чувствах.

«Когда мама – это ты», которую сама автор определяет как «коллекцию маленьких историй о больших чувствах», густо заселена персонажами: вот маленькая девочка, кото-

рая не понимает разницу между твердым и мягким знаками, вот повариха из пионерлагеря, у которой сердце давно покрылось коростой; вот девочка из номенклатурной семьи, которую родители прислали в лагерь «для социализации», и ее подружка, которую те же родители выбрали на роль приживалки.

Маша перемещает нас из эпохи в эпоху – от советских времен до нынешних, выводя на сцену одного героя за другим, заставляя нас сопереживать и возмущаться. И неизменно восхищаться талантом автора – непревзойденной рассказчицы, подмечающей в обычной жизни то, что скрыто для других.

В этой книге вы найдете всё, за что цените Машу Трауб: легкий слог, мгновенный переход от комического к трагическому, героев, которые и похожи на ваших друзей и родных, и чем-то неуловимо отличаются от всех остальных людей.

Нет, я не стала многодетной матерью, хотя детей в доме прибавилось. Они появились сами собой, к моему огромному счастью. Началось все с первоклашки Полины, которой никак не давались прописи. Я решила один раз показать, как писать тушью и чернилами, какие раньше были красивые буквы, – и все... Полина стала моей первой и самой любимой ученицей. Думаю, что и последней. В конце года я поняла, что не могу работать репетитором. Мне нравится играть с детьми в слова, веселить их стихами собственного сочине-

ния, придумывать рифмы, выводить перьями каляки-маляки с вензелями, придумывать собственный шрифт, пачкаться тушью, показывать, как выглядит промокашка, и демонстрировать цирковой трюк – печатать вслепую десятью пальцами. Полине тоже нравились именно такие уроки, но нам некуда было деваться от домашки – вставить пропущенные буквы, посчитать количество звуков и букв в словах. Да, это нужно, но нам с Полиной не очень весело.

– Все, теперь можешь поиграть, – сказала как-то я после очередной домашки, особенно бессмысленной и беспощадной. Дети, не умеющие писать половину букв и не выучившие до конца алфавит, должны были «собрать» пословицы. Я даже уже шутить не могла, потому что Полина чуть не плакала, лежа лицом в тетради. У нее шляпка от «Г» прописной никак не получалась, а тут еще сборка-разборка пословиц.

– «В книге ищут не буквы, а...»

– Картинки, – буркнула Поля.

– Ну да, а еще мысли. Вот смотри, справа подсказки. Нужно провести линию.

Поля посмотрела и соединила: «Ученье – свет, в рот само не станет литься».

– А неученье – тьма, – подсказала я.

– Страшно, – сказала Полина.

– Знай больше, а говори... – Я сделала еще одну попытку.

– Громче! – радостно воскликнула Полина.

– Когда семья вместе, так и... – прочитала я.

– Еда быстро заканчивается, и надо опять в магазин ехать, – продолжила Полина.

– Не имей сто рублей, а имей...

– Кредитную карточку. Папину.

– Землю солнце красит, а человека...

– Платья.

– Так, ладно, пословицы нужно просто выучить, – решила я. – Хотя бы те, которые у вас в прописи.

– А почему у меня здесь четверка? – спросила Полина, показывая на классную работу.

– Потому что у тебя «налим» превратился из рыбы, то есть существительного, в глагол «налил». Ты забыла еще одну палочку дописать, – объяснила я, – а «пчелы» в единственном числе не «пчел», а «пчела». Мальчиков-пчел не бывает. А «взрослый утенок» не «уток», как ты написала, а «утка» хотя бы. Хотя правильно – «селезень».

– Кто-о-о-о? – Кажется, Полина собралась бросать школу.

– Ну смотри, задание – «львенок – лев», «гусенок – гусь».

Вы в детском саду должны были проходить животных и их детей.

– В детском саду мы гуляли и играли. Хорошо было, – тоскливо проговорила Полина.

– Ладно, все. Я тоже больше не могу с твоей домашкой, – призналась я.

– Теперь я могу поесть, – объявила Полина.

Наши занятия перенеслись на кухню. Полина ела, я ее

смешила историями, глупостями. Полина ухохатывалась и тоже смешила меня.

– У меня в животе кит, – объявляла она.

– Это как? – уточняла я.

– А вот так. Он почти умер и кричит. Послушай! – Желудок худящей Полины, которая могла съесть кита в один присест, действительно выразительно урчал. Но мне бы и в голову не пришло сравнить этот звук с криком умирающего кита.

– А ты слышала когда-нибудь, как кричит умирающий кит? – спросила я.

– Конечно, – хмыкнула Полина. – Каждый раз, как хочу есть, так его и слышу.

– А мне кажется, кит кричит так, как я над твоей домашней. – Я изобразила крик. Полина свалилась от хохота под стол.

– А я сегодня видела корову господню, – рассказывала мне моя подопечная.

– Кого? Корову? И где же? – удивлялась я.

– На школьном дворе.

– Только не «на», а «в» школьном дворе, – поправила я. – Предлоги надо употреблять правильно, это важно. Если я от тебя когда-нибудь услышу «на районе», больше не буду тебя кормить. Предлоги всегда пишутся отдельно с существительными. Например, «бабочка сидит на цветке».

– Нет, она может сидеть и в цветке, я видела.

– Мне кажется, пчелы сидят в цветке, а бабочки на лепестках. В любом случае предлог «в» нужно писать отдельно. А еще есть красивый предлог – синоним «около». Синоним – это похожее значение. Можно сказать «подле». То же значение, что «перед», «возле», – начала рассказывать я.

Полина отвлеклась и смотрела в окно. Мой рассказ ее не заинтересовал.

– О чем ты думаешь? – спросила я.

– О пчеле, – ответила Полина. – И додумалась!

Когда Полина до чего-то додумывалась, у нее глаза становились размером с блюдца, о чем я ей сообщала. Когда она задумывала хитрость или шутку, тоже всегда было понятно.

– Полик, ты так смотришь, что тебя хочется или накормить, или рассмешить, – говорила я.

– Я согласна. Корми меня, а я буду думать! Пусть пчела сидит на цветке. Потому что если она залетит внутрь, то начнет чихать и не сможет собрать нектар.

– И почему пчела начнет чихать? – уточнила я.

– Как почему? Потому что весна и у всех аллергия. И у пчелы тоже! На цветение! У меня – на березу, а у пчелы – на цветок. Бедная пчелка, как же она без этого... нектарина? Она же голодная останется! – Глаза моей подопечной немедленно наполнились слезами, что неизменно вводило меня в ступор. Все же хорошо начиналось! Предлоги, их написание. С Полиной всегда так – начнешь с предлогов, получишь пчелу с аллергией на цветение.

– Полин, нектарин – это фрукт, а пчелы собирают нектар. И я придумала. Пусть пчела сидит *на* цветке, а потом зажмет нос и быстро залетит *в* цветок. Соберет нектар – и бегом назад.

– У них нет носа. – Полина все еще собиралась разрыдаться.

– Очень даже есть. «Хоботок» называется, – ответила я. – Лапки есть, поэтому она прекрасно сможет зажать хоботок, чтобы не расчихаться.

– Нет, пусть она залетит в цветок, чихнет, и тогда весь нектар на листочках окажется, – предложила Поля.

– Тоже прекрасная идея. Так, о чем мы с тобой говорили до чихающей пчелы?

– Надо говорить *в* школьном дворе, – послушно повторила Поля.

Я пыталась понять, как корова могла оказаться в школьном дворе, решив, что «господня» она потому, что все «твари господни». Лихорадочно соображала, откуда Полина могла услышать это выражение.

– И что она делала? – уточнила я.

– Как что? Посидела и улетела, – ответила Поля.

– Кто? Пчела или корова?

– Корова, конечно же!

Я устала после работы, а Полина любила сочинять небывлицы. Так что летающая тварь господня в виде коровы после пчелы с аллергией меня не удивила.

На следующем занятии Полина попросила найти стишок, который нужно читать для коровы бога. Домашнее задание такое.

Видимо, я опять была не в себе, потому что подумала об Индии и начала рассказывать своей ученице, что в этой стране действительно коровы считаются священными животными, они ходят по улицам и вообще где хотят. И их ни в каком случае нельзя прогонять. От усталости я, к счастью, не стала глубоко вдаваться в индуизм. Полина сидела, глядя на меня огромными глазами. А значит, требовала продолжения истории.

Ее мама, моя подруга Катя, на время наших занятий уходила пить кофе на кухню или в другую комнату. Но в тот раз зашла к нам с Полиной.

– Прости, откуда у Полины в голове такое? Учительница постаралась? – Я рассказала Кате про божьих тварей и священных животных, которыми вдруг стала интересоваться первоклашка.

– Маш, она божью коровку имеет в виду, – ответила Катя. – Просто никак не может выучить название.

– Какой ужас, – перепугалась я по-настоящему. – Я не догадалась... должна была... Теперь у нее в голове вообще не пойми что будет.

– У нее и так в голове не пойми что, – ответила спокойно Катя. – Одним не пойми что больше, одним меньше, уже не имеет значения.

Да, дети не всегда могут запомнить слова, которые, кажется, должны знать. Это случается не только с маленькими, но и с вполне взрослыми. На море моя дочь Сима, окончившая шестой класс, все время повторяла «шахтер закрыт» или «в шахтере свет не горит». Я, если честно, думала, что «Шахтер» – название помещения, где проходят творческие мастер-классы детского клуба. Ну мало ли, почему «Шахтер»? Названия не всегда бывают понятными.

– Шахтер – это что? – наконец спросила я у дочери.

– Это там, где можно играть в настольный теннис, – ответила Сима. – Ну вон, свет горит. Значит, еще играют.

– Шатер! Не шахтер! Разве ты не знаешь значение слова «шатер»? – ахнула я.

– Мам, шатер я знаю. Но здесь точно не он, а какая-то палатка, которую поставил шахтер, – ответила дочь.

Та же история была с «клепчаткой». Сима сказала, что ей нужна клепчатка. Видимо, я опять, как и с Полиной, была погружена в собственные мысли, поэтому сразу не сообразила, какая такая клепчатка. Подумала, что речь идет о футболисте – Сима благодаря старшему брату знает многих футболистов из разных клубов. Я решила поддержать интерес ребенка к теме, как советуют детские психологи, и рассказала ей то, что почерпнула из интернета: есть такой польский

футболист Петр Крепчарик. Даже его биографию пересказала. Сима смотрела на меня, как Полина, – округлив от ужаса глаза.

– Мам, это про еду. Гречка, овсянка, помидоры. Нам в школе рассказывали про здоровое питание, – сказала Сима.

– Господи, клетчатка! Там нет буквы «пэ»!

– Клептчатка, – послушно повторила Сима.

– Клетчатка, без «пэ».

– Мам, не волнуйся ты так. Я это все ем. Одна из класса, – заверила меня дочь, решив, что я волнуюсь из-за ее правильного питания.

* * *

Полине никак не давались школьные диктанты и проверочные. Исключительно из-за невнимательности. Она могла задуматься, замечтаться, сочинять про себя песню или переделывать стишок так, чтобы он стал смешным. Точки и заглавные буквы, а также поля на тетрадном листке она игнорировала. Зато ей нравились знаки препинания, про которые я ей рассказала, чтобы хоть как-то объяснить их значение. Поэтому Поля вместо точек вырисовывала точки с запятой, двоеточия и тройные восклицательные знаки. Еще я ей зачем-то объяснила разницу между тире и дефисом, и она, высунув от усердия язык, везде рисовала тире и дефисы. Это точно моя вина. Иногда тире получается из двух дефисов,

если набирать текст на макбуке. Слава богу, Полина пока не пользуется компьютером. Еще я зачем-то рассказала ей про корректорские знаки, которые ставят на полях бумажных макетов газет, журналов и книг. И что означают двойное подчеркивание под буквой, палочка с хвостиком, дуга между буквами и все остальное. Я исправляла диктант Полины такими значками, и, конечно, она опять округлила глаза.

– Какая красота, – сказала она, – рассказывай.

– Полин, в следующий раз. Давай мы сначала научимся точки ставить в предложениях.

– Это скучно, – ответила Полина.

Да, это так. Корректорские знаки веселее, кто бы спорил.

А еще кавычки. Поле очень понравилось рисовать кавычки. Именно поэтому я и решила отказаться от карьеры репетитора – ребенок знал то, что не нужно, а то, что нужно, – не знал и знать, откровенно говоря, не хотел. Мы выучили пословицы, научились писать красивые крышечки над прописными «Г» и «Б», но все это Полину не увлекало. Она могла и пропеть то, что не поется, и прошептать то, что не шепчется, определяя гласные и согласные. По слогам тоже умела разбить театрально, красиво, а не так, как положено.

Учительнице Марине Михайловне, по рассказам Полины, было очень мало лет, и она только вчера «сидела на какой-то скамье в школе, видимо, в раздевалке».

– А что такое скамья, она вам не объяснила? – уточнила я.

– Не-а, – ответила Полина. – Теперь она перед нами стоит.

– Скамья – это скамейка. Как в парке. Но говорят, что знакомы друг с другом со школьной скамьи, можно оказаться на скамье подсудимых...

– Марина Михайловна меня не любит.

– С чего ты взяла?

– Она всем пишет в тетради «молодец» или «умница» и наклейки клеит. А мне нет.

– Полик, у тебя слишком много ошибок. Кстати, твоя Марина Михайловна еще две не заметила. Вот, смотри. Ты опять пропустила букву.

В какой-то момент Полине надоело оставаться не-умницей, и она объявила учительнице:

– А вы, Марина Михайловна, знаете, с кем я домашку делаю? С писательницей Машей Трауб. Не знаете такую? Странно, все знают, а вы – нет. Она о-о-о-очень знаменитая. Стыдно не знать.

Полина – прирожденная актриса. Читает стихи так, что все слезы льют. Она даже заданный стишок учит с надрывом в голосе, отчего я сползаю от хохота под стол. Марине Михайловне она сообщала обо мне, будто речь шла как минимум о Пушкине.

– Полина, счастье мое, ты бы сообщила учительнице, с кем занимаешься, когда начнешь получать пятерки! – воскликнула я, когда Полина рассказала мне, что Марина Михайловна «не знает Машу Трауб». – Ну что обо мне подумает учительница? Что я плохой преподаватель.

– Пусть подумает, что надо больше читать, – хмыкнула Полина, явно копируя тон учительницы.

* * *

Я затеяла в доме небольшой ремонт – решила починить шкафчики в ванной, перекрасить кухонные фасады и покрыть их лаком. Их сняли и увезли в мастерскую на обновление.

– Маша, у вас все ящики из ванной исчезли. И из кухни тоже! – ахнула от восторга Полина. – Ты видела?

Пришлось придумывать для нее историю таинственного исчезновения ящиков. Практически детектив.

Мне вообще нравится придумывать для Полины истории – она в них верит. Как брошенная на пол юбка улетела на люстру и решила стать абажуром. А потом решила стать птичкой, раз она не нужна хозяйке, и улетела в форточку. И так поступает каждая юбка, забытая хозяйкой. А носки ищут себе пару. Бродят по ночам и гадают, куда потерялся правый или левый носок. Именно поэтому их нужно складывать вместе или скручивать в аккуратный комочек, иначе они не уснут. И будут ходить по ночам, как лунатики.

– А кто такие лунатики? – выпучила глаза Полина.

– Это такие люди, которые умеют ходить во сне, – объяснила я, – но утром ничего не помнят. Вообще. Многие великие люди страдали лунатизмом, точнее, правильно говорить

сомнабулизмом. Гете, Ахматова.

– Тогда я тоже великий лунатик! – объявила Полина.

– Надеюсь, что великий, но не лунатик, – ответила я.

* * *

Встретились с Катей перед тренировкой девочек.

– Как дела? На тебе лица нет, – ахнула я.

– Еву потеряла, – ответила Катя.

– Как потеряла? – Я подумала, что Кате точно нужен полноценный сон, потому как малышка Ева в это время сладко спала в детском сиденье в машине.

– Ночью, – призналась Катя. – Я чуть не поседела от ужаса.

Катя проснулась ночью от духоты и сопутствующих кошмаров. Встала, открыла форточку и лишь после этого заметила, что в детской кровати пусто. Младшая дочь, двухлетняя Ева, спала в родительской спальне, но с ее кровати давно сняли заграждение. Малышка любила утром забраться в кровать к родителям и досыпать там. Или скакать по папе с мамой, чтобы те уже наконец проснулись. На мгновение Катя решила, что все еще спит и видит кошмарный сон. У каждой матери свои страхи и преследующие ее жуткие сновидения. Я, например, нередко во сне вижу триллер, как стою на вокзале с чемоданом и не знаю, куда ехать. При этом со мной дети, но не мои. А где мои – неизвестно. Но и за этими, чужими, я должна присмотреть и куда-то их доставить.

Неизвестно куда. Катя же призналась, что ее кошмар – падение. Не важно откуда. В ее снах дети все время падают – то с крутой лестницы, то с пеленального столика, то с балкона. Еще у одной моей знакомой главный кошмар – как она несет ребенка на руках в больницу, бежит, а больницы нет. И она не понимает, почему нет больницы. Так и бежит всю ночь с ребенком. Просыпается, естественно, обессиленная.

Катя, как многодетная мать, умеет держать себя в руках. Но ночью это делать сложно. Прежде чем будить мужа, что было ее первым порывом, решила сама поискать младшую дочь. Тем более что муж, как многодетный отец, к третьему ребенку уже не подсказывал так бодро, как к первому. Даже когда Катя объявила ему, что рождает, он спокойно снова уснул, повернувшись на другой бок. Этого она ему до сих пор не может простить.

Катя отчего-то на цыпочках пошла в коридор, где натолкнулась на среднюю, Полину. Та, как это часто бывало, бродила по квартире. Врачи в количестве двухсот специалистов давно подтвердили Кате, что это не лунатизм, поэтому она успокоилась. Полина, бродя во сне, не делала ничего страшного – могла пойти водички попить или в окно посмотреть, после чего ложилась в кровать и спала до утра. Утром, конечно, ничего не помнила. Катя тоже не помнила, чем закончился вечер, так что прекрасно понимала свою дочь.

– Полина, ты Еву не видела? – спросила шепотом Катя у дочери.

Та помотала головой.

– Иди спать.

Полина послушно отправилась в кровать.

Свет в ванной горел. Катя его выключила, удивляясь, как ее супруг, который был ярым сторонником раздельного сбора мусора и радовался как ребенок, когда на мусорке появились отдельные контейнеры для стекла, пищевых отходов и прочего, при этой своей аккуратности всегда забывал выключить свет. Оставлял то в коридоре, то в ванной.

Ева не обнаружилась ни на кухне – к счастью, балконная дверь была закрыта, и Катя смогла выдохнуть хотя бы по этому поводу, – ни в комнате у старших сестер. В гостиной малышки тоже не было. Катя приняла решение немедленно будить мужа.

Она сходила в туалет и на всякий случай почистила зубы. Отчего-то в тот момент зубы для нее имели очень важное значение. И не спешите смеяться. Я, когда отправляла дочь в первый класс, делала тщательный макияж, собирала сумку, доставала все документы – от свидетельства о рождении до полиса медицинского страхования – и сидела, готовая к выходу. Меня отпустило к третьему классу. А еще одна моя приятельница, Оля, делала ровно наоборот. Если она вставала рано, собиралась и отправлялась по делам, ее обязательно вызывали срочно в школу. А если лежала в кровати до двенадцати, ничего не случалось. Надо ли говорить, что Оля придумала себе защитный ритуал – специально ходила в пи-

жаме до полудня, чтобы потом собраться за полчаса и переделать все дела, носясь как ошпаренная.

Катя почистила зубы и зачем-то надела халат, вечером отправленный в стирку. Халат был любимым и красивым. Одно неудобство – слишком широкие рукава. Обычно по ночам все матери больно задевают угол дивана или шкафа – кто ногой, кто коленкой. Сдерживаются, чтобы не начать материться в голос и не перебудить всех домашних. По себе знаю, это очень непросто. У меня еще муж – любитель побродить в четыре утра по квартире – открыть или закрыть форточки так, чтобы направить воздушный поток в нужном ему направлении. После этого он обычно спотыкается о ножку дивана и падает на меня всем телом. Я в этот момент смотрю кошмар про вокзал, чемоданы и чужих детей. И вижу, как на меня обрушивается поезд и я пытаюсь заслонить своим телом детей.

Катя же, как правило, цеплялась рукавом за дверную ручку. И тут случилось именно это. Она зацепилась, но удержалась на ногах. И все было бы хорошо, не появившись на полу новое препятствие, которое Катя решила преодолеть на всякий случай. Препятствием оказалась Ева, которая спокойно спала на коврикe рядом с родительской кроватью. Катя пролетела над Евой и спланировала на мужа. Но в полете успела поорать. Поэтому муж, конечно, проснулся, хотя и не окончательно.

– Ты рожаеть? – уточнил он.

– Дурак! Я давно родила!

– Поздравляю, – сказал муж и тут же вырубился.

Если бы не ночь, Катя бы его, конечно, сначала разбудила, потом убила, и так еще раз сто.

Но она сползла с кровати, взяла Еву на руки и еще час носила ее по комнате – пела колыбельные, укачивала, как маленькую. Иным способом, учитывая все обстоятельства, Катя не могла сообщить ей, как рада, что она нашлась. И как счастлива, что ничего страшного не случилось.

Уже утром картина прояснилась. Ева пошла на горшок в ванную – именно поэтому свет был включен, – но до кровати не дошла и уснула на коврик.

– Ты моя умница, – хвалила Катя младшую дочь.

– Мне ты так не говорила, – буркнула старшая Алиса. – А говорила «наконец-то до тебя дошло».

– А у меня и горшка не было. Я сразу на унитаз научилась, – поддакнула Полина.

После моего рассказа про знаменитых лунатиков Полина, бродившая среди ночи по направлению к холодильнику, всем домашним объявляла:

– Я Ахматова!

* * *

Косметический ремонт подошел к концу. Я водрузила на кухне новый холодильник – большой и красивый. Сделала

роспись на стенах – лестницу с висящими травами, мешок с грецкими орехами, початки кукурузы, кирпичную кладку, чтобы хоть визуально обновить потертости на обоях. Куст олеандра, который был нарисован в углу, превратился в цветущее оливковое дерево. Положила новые сидушки на стулья, повесила люстру, завела дополнительные ящики под рабочей столешницей. Пришли Катя с Полиной, и я пошла показывать обновленную кухню.

– Ты вроде бы ничего не поменяла, – заметила Катя.

– Мама! Ну ты что! У Маши холодильник новый! Теперь я не могу дотянуться до варенья! – возмутилась Полина.

* * *

– Полина, ты будешь обедать? – спрашивает Катя у дочери.

– А я к Маше еду? – уточняет та.

– Да, – отвечает Катя.

– Тогда нет! – объявляет Полина.

* * *

Полина, несмотря на мои усилия, все еще очень смешно употребляет предлоги. Поделаться с этим ничего нельзя. Я пробовала: «Буду играть со Симой, хочу пюре со сосиской,

чай со сахаром».

Самое смешное, что мы все теперь тоже так говорим.

* * *

Младшая сестра Полины, двухлетняя Ева, покорила мое сердце с первого взгляда. Меня она знает со своего рождения и даже раньше, когда еще была в животе у мамы. Но до года она соглашалась посидеть у меня на руках, а после – ни в какую. Впрочем, Ева ни к кому на ручки не шла. Смотрела строго. Я отчаянно пыталась завоевать сердце малышки игрушками, вкусностями. Добилась того, что Ева меня начала узнавать через кухню. Точнее, она помнила, где стоит конфетница и на какой полке в холодильнике находится йогурт. Брала меня за руку и говорила: «Ы». Но и такой знак внимания с ее стороны был счастьем. Ева соглашалась поиграть со мной, пока мама ходит в туалет. Катя уже планировала романтический ужин с мужем, представляя, как оставит мне на вечер Еву. Чтобы закрепить успех запоминания, Катя показывала дочке мою фотографию в телефоне и повторяла: «Это Маша. Маша». «Ы», – отвечала Ева. Но тут приболела Полина, и я их не видела неделю. При встрече Ева сделала вид, что видит меня впервые в жизни и явно не рада знакомству.

– Не расстраивайся, попробуем еще раз, – приободрила меня Катя, хотя это у нее, а не у меня отменился запланиро-

ванный романтический ужин.

* * *

Гуляли по парку. К моему мужу время от времени подходили поклонники. Его вообще часто узнают – от гардеробщиков в театре до кассиров в метро. В сауне фитнес-клуба обязательно встретится поклонник его творчества, и я успеваю выпить кофе, дожидаясь, когда появится муж, пересидевший в бане. Меня же вообще никогда нигде не узнают. Даже обидно. Я могу лежать на пляже рядом с женщиной, которая читает мою книгу, здороваться с ней каждое утро – бесполезно. Как-то, оказавшись в маленьком книжном магазинчике в южном городке, я не выдержала. Там на двери висел огромный плакат с моими книгами и портретом.

– Как здорово! Мне очень приятно, – воскликнула я.

В ответ на недоуменный взгляд продавщицы пришлось объяснить, что я – Маша Трауб.

– Ага. Тогда я – Дарья Донцова, – хмыкнула она.

Нет, в жизни я такая же, как на фотографиях. Никакого фотошопа.

Мужа узнали даже на смотровой площадке на Куршской косе.

– Можно с вами сфотографироваться? Это Людмила, моя супруга. Спасибо. Мы ваши поклонники. Пожалуйста, отойдите, вы мешаете. – Последняя фраза относилась ко мне.

– Ну почему? Почему меня никто не узнает? Ты, конечно, гений, но я же популярная! – воскликнула я на дорожке парка, пережив очередной удар по самолюбию. Мой супруг время от времени раскланивался с представителями прогуливающейся демократической интеллигенции.

– Мам, ну что ты хочешь? – подала голос Сима. – Тебя даже Ева не узнает.

* * *

Полину выбрали чтецом на последнем звонке. Первоклашки должны были по очереди читать выпускникам строчки стихотворения. Моей ученице достались аж четыре строфы, а не две, как остальным. Кто автор – неизвестно. Катя привезла мне Полину и попросила помочь срочно выучить.

Я продолжу твои начинанья, Уважаемый мной выпускник! И, свои расширяя познанья, Соберу все оценки в дневник!

Орфография и пунктуация сохранены.

Полина начала читать. Громко, на всю квартиру. С надрывом. Муж прибежал из кабинета.

– У вас все хорошо? – спросил он, поскольку слышал истошные крики из комнаты.

– Да, мы стишок учим, – ответила я. – Полина, ты понимаешь, что такое «начинания» и «познания»? Правильное окончание «ия», а не через мягкий знак.

– Нет. А зачем? – удивилась Поля. – Марина Михайловна сказала, что нужно громко, и все. И бантики еще нужны.

Каждый раз, оказавшись у нас, Полина с порога начинала голосить про «начинанья». Муж хватался за сердце и за живот. За сердце – оттого что боялся за Полину: она вопила так искренне, будто всерьез переживала за «начинанья» и «познанья» выпускников. А за живот – уже от хохота. Девочка вставала в третью позицию, как ее научили на гимнастике, поднимала голову, делала огромные глаза и начинала «выступать». Конечно, после чтения требовались аплодисменты, непременно бурные. Муж изображал публику и громко хлопал. Я кричала: «Браво!»

– Когда уже последний звонок? – спросил тихо муж.

– Потерпи, скоро, – ответила я.

– Я теперь тоже этот стишок все время повторяю. Привыкзался и в голове крутится.

* * *

Боже, кто придумывает эти задания для младших школьников, первоклашек? У вас сердце вообще есть? «Косогоры» – одушевленное существительное или нет? Конечно, Полина ответила, что очень даже одушевленное. Есть косые лю-

ди, которые косят косые горы. Или горы нормальные, а люди точно косые.

– Поля, косогоры – это склон горы, неодушевленное существительное, – объяснила я.

– Что такое «склон»? – удивилась Поля.

Да, первоклашки не знают, что такое «склон», не то что «косогоры». Я чуть не плакала, рисуя на листочке гору и объясняя, что такое «склон».

– А что такое «косят»? – спросила Полина.

– Боже... косят косой, такой инструмент был. – Я нарисовала косу.

– Ага, я знаю, это как у смерти. Смерть тоже за людьми с косой приходит! – воскликнула радостно Полина. – Мне больше нравится думать, что это косые люди и косые горы, – тут же хмыкнула она и немедленно изобразила, как это может происходить.

– Ну вот, кстати, интересная тема. Коса, которой косят, и коса, которую заплетают, твоя косичка, например. Такие слова называются «омонимы», вы их будете проходить. Они звучат одинаково, но имеют разное значение. Есть еще смешная шутка. «Косил косой косой косой». Как думаешь, как ее расшифровать?

– Маша, я даже произнести это не могу! – объявила Полина.

– Ну кого называют косым? Подумай... Нет? Не помнишь? Зайца. И тогда получается, что у нас заяц с косогла-

зием косил кривой косой.

Полина свалилась под стол и начала хохотать. А потом изображала то зайца с косоглазием, то косогоры.

– Кать, театральное училище, точно, – плакала от смеха я, глядя, как Полина косила глаза и ходила, шатаясь и размахивая руками.

* * *

Моя дочь-шестиклассница в то же время упорно называла Петра Алексеевича Пётром через «ё» и соответствующим ударением. И хоть ты тресни – у нее был Пётра Алексеевич. Уже от отчаяния я рассказала Симе, что есть женское имя – Пе^тра, а мужское – Пётр. Но Пе^тра так и останется Пе^трой Алексеевной, а Пётр превратится в Петра^. Сима уставилась в стену, видимо, гадая, стоит биться об нее головой или нет.

* * *

Подруга прислала крик из родительского чата. «Уважаемые родители, объясните своим детям, что Плутон – это планета, а мальчика зовут Платон!»

Когда в нашем доме стали появляться разновозрастные дети, старший сын, Василий, вообще перестал выходить из собственной комнаты. Услышав милый «топот детских ножек» по коридору, он закрывал дверь и, кажется, приставлял стул с внутренней стороны, чтобы точно никто не прорвался. Иногда, правда, выходил, рискуя наступить на бегающих по коридору двухлеток.

– Мам, предупреждать надо, – бурчал Василий.

– Я не могу это спрогнозировать. Дети – хуже погоды. Они прогнозу не подчиняются, – пожимала плечами я.

Полина на правах моей любимицы и часто бывающей в доме всем новоприбывшим детям проводила экскурсию:

– Здесь живет Симин брат, он большой. У него на стене гитара висит, и много всего интересного в комнате, но туда нельзя заходить. Я, конечно, заходила и на гитаре играла.

После этого все дети рвались хоть одним глазком увидеть Васину комнату – таинственную и запретную. Настоящее приключение. Открывали дверь, старясь делать это тихо, что, конечно, не получалось. Полина непременно сама хотела повернуть ручку, но старшая, Алиса, утверждала, что у нее получится тише. В это время в дверь врезалась Ева. Девочки застывали на секунду и убегали с отчаянными визгами. Вася этого не слышал – он сидел в звуконепроницае-

мых наушниках последней модели, купленных не в качестве подарка, а по случаю острой необходимости.

Но иногда он все же выходил из комнаты – на кухню или в туалет. В тот день Ева мне улыбалась и даже пошла на ручки – выбрать конфетку из конфетницы. И моему мужу улыбнулась и подарила шарик-попрыгунчик. Мы были счастливы и хвастались друг перед другом.

– А Ева на ручки пошла! – говорила я.

– А мне мячик подарила! – восклицал муж, чуть не прослезившись.

Но тут в коридоре появился Василий, и у Евы снова стерло память. Вася очень похож на своего отца, и, видимо, у малышки в голове не сложился пазл. Она опять никого не узнавала. На меня смотрела, будто видела впервые в жизни.

– Вася, ну зачем ты вышел? – расстроилась я.

Потом я ушла на кухню – готовить ужин. Муж закрыл дверь в кабинет – рабочее совещание по зуму. Полина с Евой улеглись на нашу кровать смотреть мультики. Ева даже уснула. Катя, воспользовавшись ситуацией, ушла в Симинову комнату и легла на ее прикроватный коврик. Я ей выдала валик, набитый травами, – положить под лопатки, расслабиться.

Василий снял наушники и не понял, почему вдруг стало подозрительно тихо. Вышел проверить, не случилось ли чего. Увидев Катю, лежащую на коврике с закрытыми глазами, подошел исключительно с целью узнать, не нужна ли ей помощь. Но Катя лежала тихо, дышала ровно. Вася уже соби-

рался уходить, но она вдруг открыла глаза, увидела его, подскочила и убежала в комнату к девочкам.

Потом Катя мне рассказывала, что это вообще уже ни в какие ворота. Вася выходит из комнаты и видит постороннюю женщину, лежащую на полу.

Вася же прокомментировал так:

– Если кто-то лежит на полу, значит, так надо. Но хорошо бы проверить, не требуется ли чего, например, вызвать врача.

Он вообще подумал, что я куда-то ушла, забрала с собой детей и оставила Катю лежать, потому что так надо.

* * *

Полина, ребенок-почемучка, задала своей маме вечный детский вопрос:

– Мам, а откуда появляются дети?

– Спроси у папы, – отмахнулась Катя, пытаясь разобраться с носками – где чьи. Три дочери, шесть постиранных носков. Плюс две пары мужа и одни ее. Но у Кати или одного не хватало, или два оказывались лишними, причем из разных пар. С чего вдруг стиральная машинка, которая обычно носки ела и хранила в своих внутренностях, решила их выплюнуть, было непонятно.

Еще Кате предстояло разобраться в шкафах и вернуть вещи по назначению. Полине вообще все равно, что надевать.

Что первое попадет под руку, то и хорошо. Под руку обычно попадают вещи старшей Алисы, из-за чего та ужасно страдает. Понять можно. Полина опять надела ее трусы и колготки. А еще школьную юбку. Поля могла целый день проходить, не заметив, что колготки и юбка на два размера больше. Если кому и идет оверсайз, то точно ей. Малышка Ева в это же время норовила натянуть на себя вещи средней сестры, постепенно перетаскивая в свой ящичек майки и футболки. Кате уже надоело сортировать вещи, поэтому в ее сумке обычно лежат пять перчаток – от разных пар, разных цветов, одни больше, другие меньше. К вечеру до дома она доносит в лучшем случае три штуки. Остальные оказываются или потеряны, или забыты. Катя покупает носки-трусы-колготки в промышленных масштабах.

– А тебе зачем знать, откуда появляются дети? – спросила у Полины старшая сестра Алиса, у которой она тоже спросила, откуда берутся дети.

– Хочу знать, вдруг у нас еще один ребенок появится, – ответила Полина, показывая на младшую Еву. Та была занята тем, что доставала из шкафа вещи сестер – юбки, платья – и перетаскивала в свою кроватку, засовывая под подушку и под матрас.

– Надо папе сказать, чтобы больше не забирал детей из роддома, – буркнула Алиса. – Этих с головой хватает. Дети из роддома появляются.

Мне в возрасте шести лет как-то удалось сразить собственную мать, которую, казалось, вообще удивить невозможно. К ней пришла клиентка – мама тогда еще работала адвокатом по бракоразводным делам – и первым делом стала жаловаться на мужа, который, конечно, сволочь и скотина. Я, проходя мимо кухни, заметила:

– Да зачем вообще эти мужики нужны?

Клиентка даже рыдать перестала. Мама собиралась потребовать, чтобы я немедленно закрыла дверь. Но я продолжила мысль:

– Куда лучше без них. Не клята и не мята.

Сказала я это с характерным украинским говором – «нэ клята и нэ мята».

Мама едва сдерживала смех. Клиентка вытаращила глаза и замолчала.

– Простите, она провела лето в деревне. На Украине. Там, видимо, и набралась фольклора. – У мамы уже слезы из глаз лились от едва сдерживаемого смеха.

– А что это значит? – спросила клиентка.

– А то и значит. Что никто тебе мозги не делает и в койку не тащит, – ответила я, прежде чем мама успела открыть рот.

Мама, конечно, сползла от хохота под стол. Клиентка уползла туда же. Дело они потом выиграли. Легко, быстро и

весело. В зале суда клиентка улыбалась. Призналась, что все время меня вспоминала.

* * *

На спортивных сборах наши девочки оказались в компании мальчиков-борцов. Жили по соседству. Мальчики, конечно, проявляли интерес – кричали под окнами, стучались в номера и сбегали. Спрашивали у наших тренеров, когда будет дискотека. Но когда тренеры объявили дискотеку и наши красотки вышли танцевать, мальчики снова сбежали. Девочки не удивились, а лишь пожалы плечами: «Как всегда». В прошлом году от них сбежали мальчики-баскетболисты, в позапрошлом – команда тхэквондистов.

– Когда доходит до дела, мальчики всегда сбегают, – объявила семилетняя Настя.

Но в этом году мальчиков вернул на дискотеку тренер – мужчина яркой восточной внешности. Джигит. И первым отправился производить впечатление. Включил нечто похожее на лезгинку, но, на свою беду, попал на нашего хореографа – прекрасную Ирину Сергеевну, блондинку с голубыми глазами. Ирина Сергеевна вышла в круг и выдала профессиональную версию грузинской лезгинки. Тренер-борец пытался соответствовать, но его хватило ненадолго. Он уже задыхался, а Ирина Сергеевна только растанцевалась. Нет, она не ушла, потупив глаза и давая возможность партнеру удалить-

ся, не потеряв достоинства. Она продолжала танцевать, когда тренер-борец держался за сердце и тяжело дышал.

Мамочки дружно стали писать в чате, что прекрасную Ирину Сергеевну обязательно украдут «в замуж» после такого танца. И что тренер – очень привлекательный мужчина. И кольца на пальце нет. Все заметили, рассмотрев видео с остановками и увеличением.

Не украдет. Ирина Сергеевна сделала страшное – перетанцевала мужчину.

Я участвовала в национальном ансамбле все детство. Мы исполняли и грузинские, и армянские, и осетинские танцы. Да, в грузинских женщинам дозволено больше, чем в осетинских. Они имеют право на личные партии. В осетинских же даже мужчины стоят на пальцах, точнее, на подогнутых пальцах, будто на пуантах, а женщины могут лишь оттенять их присутствие на сцене. Если мужчина устал от сольной партии, женщина должна сделать вид, что это она устала, и дать возможность партнеру уйти со сцены с достоинством.

Национальные танцы – это всегда покорность и подчинение. Взгляд в пол. «Ты просто ходи туда-сюда красиво».

Да, женщина может доминировать на сцене, если она Нина Ананиашвили – великая балерина. А пока ты не Нина Ананиашвили – работай, сделай так, чтобы все мужчины перед тобой преклонили колени. Не только в танце, но и в жизни. Так учили нас. И это главный урок, который я выучила. Но наши девочки вряд ли поймут такую мотивацию. Их ма-

мы то «берут аскезу», то «работают над отношениями», то «прорабатывают» что-то с психологами. Личностный рост, коучи. А на самом деле все просто – или танцуй, как великая балерина, или ходи туда-сюда красиво, уткнув глаза в пол. Кстати, я до сих пор так делаю. Иногда. Муж, правда, сразу начинает хохотать. Но ведь иногда и вправду лучше закрыть рот и уйти. Главный рецепт счастливой семейной жизни.

На следующую дискотеку мальчики не пришли. Тренер объявил им отбой. Но некоторые мальчишки сбежали из корпуса и оказались под окнами прекрасных гимнасток. В одну из комнат даже постучались.

– У нас режим, парням тут не место! – строго объявила семилетняя Верочка.

Мальчишки-борцы скатились кубарем по лестнице и ретировались в свой корпус.

– Очень быстро сдались, – пожала плечами Настя, наблюдая с балкона побег. – Женщин надо добиваться.

* * *

День рождения Алисы пришлось отменить – кто-то заболел, часть гостей разъехалась. Решили отметить, когда все соберутся.

– Почему ты родила меня летом? – рыдала Алиса.

– Так получилось, – отвечала Катя, которая сама была готова плакать. Каждый год одно и то же. Она понимала чув-

ства дочери как никто. Все свои дни рождения она отмечала или с мамой, или с бабушкой. Остальные члены семьи, не говоря уже о подружках, на лето разъезжались.

Друзья семьи, не сговариваясь, решили как-то подбодрить ребенка. Каждый день курьеры доставляли подарки, воздушные шары, еще подарки. Начали заранее, чтобы ко дню рождения Алиса была уже вся в подарках. Полина, открывая дверь очередному курьеру, заливалась горячими слезами.

– Ты-то чего плачешь? – не понимала Катя.

– Мой день рождения еще не скоро! У меня такого никогда не было! – страдала Полина.

Младшая Ева тоже плакала. На нее никто не обращал внимания, а она хотела смотреть мультики. Отец семейства сбежал в дальнюю комнату и закрыл дверь.

Позвонил брат мужа с вопросом, чем порадовать племянницу.

До этого Алиса составляла виш-лист для дяди.

– Хочу помаду, взрослую, настоящую, – объявила Алиса.

– Боюсь, твой дядя не очень разбирается в помадах, – заметила осторожно Катя.

– Тогда лак для ногтей, коралловый или персиковый, – сделала еще один запрос Алиса.

– Нет, не найдет нужный оттенок. Даже для меня существует только один цвет – красный. А персик – это не цвет, а фрукт. Представь, как будет тяжело твоему дяде, – пыталась переубедить дочь Катя.

– Ну пусть подарит термос для гимнастики, – пожелала Алиса с некоторым отчаянием в голосе.

Пожелание передали. На следующий день Алиса получила в подарок литровый походный термос из спецстали, а не изящную кружку с изображением гимнастки.

Естественно, Алиса пошла рыдать. Даже Полина отказалась от этого подарка. Зато малышка Ева утащила термос в свою кроватку.

«Что пить? Магний или сразу яд?» – прислала сообщение Катя.

Кстати, ей же принадлежит замечательный афоризм: «Спящий ребенок – это не только мимими, но и наконец-то!» Это сообщение дополнял смайлик, дующий в свистульку.

* * *

У меня появилась еще одна любимая малышка – Софийка. К детским именам нужно относиться очень внимательно. В нашем гимнастическом клубе есть Софа, Соня, София и Софийка, и не дай бог их назвать по-другому. А еще есть Марья, Маруся и Маша.

Так вот, про Софийку. Тренировочный зал находится далеко, туда надо ехать на машине. Кто из родителей может – подхватывает чужих детей. Тут главное – не взять лишнего ребенка и не забыть того, кого нужно забрать. Это мой еже-

дневный утренний кошмар после пробуждения. Кого я сегодня везу? И откуда надо забрать? От подъезда или от бабушки? А назад? Сколько детей отвезти и сколько вернуть? Или сегодня никого? Дети же идут, садятся в машину, а я лихорадочно пытаюсь вспомнить, кого и куда обещала доставить. Кому написать, что мы выехали, а кого предупредить, когда уже подъедем. А еще у детей рюкзаки, обручи, мячи... Проследить, чтобы не забыли ничего в зале. Наколенники, скакалки, зонтики, шлепки. Все собрать, запихнуть в багажник или утрамбовать в салон. Не забыть достать телефон из сумки. Только отъехали – приходит сообщение в родительский чат: «Анюта выходит из зала? Ждем ее внизу». Анюта уже давно сидит в моей машине на полдороге домой. Пишу, что забрала. Ее мама едет следом. Тут Анюта вспоминает, что забыла в зале мяч и надо срочно вернуться. Пишу маме, что, мол, возвращайтесь, забирайте мяч. Всех пересчитать, не взять лишних, не перепутать рюкзаки при выдаче. И такое было. Дети даже не заметили. Выгрузить. Не перепутать, кого где. Один раз по ошибке выдала бабушке чужую внучку. Обе не возражали. Разобрались после ужина, когда сели за уроки. Классы не те. И не то чтобы бабушка внучку видела впервые в жизни... Выдать обручи. Опять забыли. Ладно, привезем сразу три на следующую тренировку.

Багажник моей машины лучше не открывать. Там ездит общественный пылесос, которым чистят ковры, на которых занимаются девочки. Надо поднять его в квартиру или сдать

на хранение в зал, но я все время забываю. Зонтик, чехол от скакалки, шапка, куртка – писала в родительский чат сто раз, никто не признается, что это их. Шапка оказалась моя, я ее потеряла еще в прошлом году и не опознала в этом. Хозяйка куртки нашлась, когда та стала ей отчаянно мала, а хозяйка чехла так и не обнаружилась. В салоне машины – вода в маленьких бутылках, если вдруг кто-то захочет пить. Салфетки во всех видах. Фрукты в ланчбоксе – вдруг попадем в пробку? Запасной спортивный костюм, запасная куртка. Один раз Настюша потеряла свою куртку в раздевалке. Теперь я вожу запасную на такие случаи.

Софийку обожаю. Она говорит «капец».

– Софийка, умоляю, еще раз скажешь «капец», я умру. Давай склоняй по падежам, – велела я, забыв, что в первом классе падежи еще не проходят.

За пятнадцать минут по дороге домой Софийка выучила падежи и просклоняла все «капцы» и заодно «блины».

– Софийка, ты же знаешь, что я нервная, пожалуйста, без «короче», – умоляю я.

– Хорошо, я постараюсь, – обещает серьезно малышка и правда старается всю дорогу.

Все девочки уже знают – в моей машине лучше говорить правильно, иначе нарвешься на внеплановый урок русского языка.

Софийка живет в нашем доме, но несколькими этажами выше. На их этаже не работает звонок. Дверь на лестничную

клетку всегда закрыта, не то что наша – вечно нараспашку. Я понимаю Софийкину маму, которая не спешит чинить звонок. Трое детей. Старшая шестнадцатилетняя дочь, средний четырнадцатилетний сын и семилетняя Софийка. Я бы тоже на месте мамы всю связь в доме вырубил.

Стоим на этаже. Я везла Софийку впервые и про сломанный звонок не знала.

– Софийка, звонок твой? – спрашиваю я.

– Нет, – твердо отвечает девчушка.

– А номер квартиры какой? – уточняю я.

– Не помню, – пожимает плечами Софийка.

– Сто шестьдесят?

– Да.

– Значит, твоя дверь.

– Нет, не моя.

Пишу Софийкиной маме, уточняю номер квартиры. С ужасом думаю, что могла перепутать этаж. Нет, все верно. Дверь открывает брат девочки.

– Софийка, твоя же дверь! – радуюсь я.

– Ну да, ничего в жизни не меняется, – отвечает она. Я начинаю хохотать. Только малышки умеют выдавать философские фразы с таким серьезным видом.

* * *

В машине стоит странный запах. Уже и проветривала, и

мыла, а все равно запах не выветривается. Решила помыть салон с пеной со вкусом жвачки, но до этого проверить – нет ли чего в машине, о чем я не знаю. Мои дети выросли, так что от химчистки салона два раза в неделю я отвыкла. Да, один раз оставила курицу в багажнике. Еще раз разлила кофе. Ладно, рыбу тоже как-то забыла, брошенную за пылесос. Но после этого уже отмывала салон. Сейчас-то откуда запах?

Облазила всё, чтобы не было стыдно ехать на мойку – меня там давно знают и чего только не выдавали после обработки салона, от нижнего белья – моего – до важных документов, которые я обыскалась. Бутылку коньяка находили, который я заказала в подарок мужу и напрочь забыла. Коньяк был уже выдержанный. Правда, не в дубовой бочке, а в бутылке на московской жаре. Еще при мойке нашли мою старую сумку со спортивной формой. Я и забыла, что у меня есть такой прекрасный топ, который я искала в собственном шкафу и не понимала, где могла его потерять.

Под задним сиденьем обнаружила две раздавленные шоколадки, слипшиеся барбариски и раскрошенное печенье.

Подумала на девочек, которым все это, конечно же, нельзя. Спросила у дочери.

– Симуль, это же нельзя есть. Оно все стухло двести раз, – ахнула я.

– Знаю. Никто и не ест. Ты сама все это спрятала, вообще-то. А пахнет вот этот пакет. В двери лежит под салфет-

ками. Уже три дня точно, – ответила дочь.

Ну, конечно. Я купила сыр, переложила в пакет и засунула в дверь, чтобы не потерять в багажнике.

* * *

В художественной школе, где занимается Сима, на первом этаже стоит здоровенный автомат с шоколадками, газированными напитками и прочими детскими радостями. Дочь такой увидела, кажется, впервые в жизни и замерла от восхищения и ужаса одновременно.

– Все дети побежали к автомату. А я стою и думаю: «Мне это все нельзя. Да и денег у меня нет», – рассказывала Сима вечером.

* * *

Опять отвозила Софийку. Доставила на этаж. Дверь закрыта. Звонок не работает.

– Сейчас я сестре позвоню, чтобы дверь открыла, – говорит Софийка и набирает номер. – Привет, как дела? Ты дома? Нет? А где? На тренировке? А почему? У мамы на работе? Хорошо. А потом куда? Ладно. У вас дождь идет? У нас идет. Понятно, пока. Лерка ерундой страдает на маминей работе, – докладывает она мне, – сейчас брату позво-

ню. – Софийка набирает номер. – Але, привет, ты дома? Как дела? Спишь, что ли? Нет? А что делаешь? Ничего? Как это ничего? Нельзя ничего не делать. В магазин сходил? Мама утром просила. Купи мне детское пюре. Почему не можешь? Ты же ничего не делаешь! Ну ладно. Пока.

– Скажи, что ты стоишь на лестничной клетке. Пусть откроют дверь, – умоляю я. В этот момент в моей квартире сын открыл дверь и увидел на пороге пятерых детей, смутно знакомую женщину и родную сестру. Я их всех выгрузила на нашем этаже и поднялась сдавать Софийку. Мне бы так владеть эмоциями, как Василий. Покер-фейс и неизменная вежливость. Поздоровался, помог повесить куртки. Если в доме опять появился детский сад, а матери нет в помине, значит, так надо.

Впрочем, мой муж, возвращаясь с работы, тоже смотрит по сторонам, прежде чем войти в подъезд. Если к дому приближается небольшая толпа разновозрастных девочек, увешанных обручами и спортивными сумками, значит, точно к нам. А если без обручей и толпа большая, то тоже к нам. Он гуляет вокруг дома, звонит по рабочим вопросам, заходит в магазин за соками и мороженым и лишь после этого идет домой. За это время дети успевают разуться, раздеться, помыть руки и переместиться на кухню. Я встречаю мужа как героя. Только он может вовремя доставить сок, непременно яблочный или вишневый, и мороженое, которое вдруг захотели все сразу. Муж у меня опытный отец – покупает упаков-

ками, чтобы дети не перессорились за разные. Они же вдрут все захотят непременно в стаканчике и дружно будут игнорировать шоколадное, хотя в прошлый раз все было с точностью до наоборот. Все хотели шоколадное.

Как разжечь искру в браке спустя больше двадцати лет семейной жизни? Приведите домой толпу детей. И если муж принесет мороженое в промышленных масштабах, не удивится количеству обуви в коридоре и подхватит вешалку, падающую от навешанных курток, он станет для вас не просто принцем на белом коне, а суперменом. А если он к тому же тихо уйдет в комнату, по дороге поскользнувшись на мячиках-попрыгунчиках, грохнувшись на спину, и стерпит укол заколкой в пятку, вы его полюбите с новой силой. Нет, если муж выучит, как зовут всех девочек с одинаковыми прическами и в одинаковых клубных костюмах после тренировки и даже начнет их различать, вот тогда он станет для вас настоящим героем. А когда он выучит имена мам и кому кто из детей приходится, тогда вы будете готовы провести с этим мужчиной остаток своих дней. Мой муж – идеален. Он не только все это сделал, но еще и каждый раз выходит в коридор, чтобы помочь мамам и девочкам надеть куртки и пальто. Да, я вышла замуж за лучшего мужчину на свете.

* * *

Софийка послушала, что делает брат, ответила: «Ага, по-

нятно, пока» – и положила трубку.

– Почему ты не сказала, что надо открыть дверь? – спросила я. Мы все еще стояли на лестничной клетке.

– Забыла, – улыбнулась Софийка. А улыбается она так, что сразу хочется жить и улыбаться тоже, во весь рот. Как зевота, которой заражаешься. Я, конечно, стою и как дура улыбаюсь. И Софийка тоже. То ли мама позвонила брату, то ли сестра, но дверь открылась.

– О, привет, ты дома? – удивилась Софийка, увидев брата, который еще минуту назад утверждал, что спит.

В следующий раз Софийка взяла телефон и гордо сообщила, что у нее теперь есть пароль. Набрала что-то, потом еще раз. Я отвечала на собственные звонки.

– Ну что? Открывают? – спросила я.

– Да, надо немного подождать, – ответила девчушка.

– Хорошо, сейчас предупрежу твою маму, – сказала я, решив, что отведу Софийку к нам. Напою чаем, а сама на рабочую почту отвечу. Да и смущать мы никого не будем. Уже вечер. Мало ли – у брата гости или у сестры. Имеют право на личную жизнь.

Софийка приткнулась к стене.

– Ты чего? – не поняла я.

– Неверный пароль набрала. Надо подождать, когда телефон разблокируется, – пояснила она.

– Тьфу, Софийка, я подумала, что у твоего брата девушка или у сестры – молодой человек в гостях.

– Вот еще глупости, – хмыкнула Софийка, – у них есть я. Я написала ее маме, что, мол, открывайте, мы на этаже.

За это время я узнала и телефон старшей сестры, и телефон брата – на всякий случай. Но Софийка предпочитала звонить сама. Очень самостоятельная барышня.

– Звони, что мы около подъезда, поднимаемся, – сказала я в следующий раз.

– Не могу, – ответила Софийка.

– Что, телефон забыла в раздевалке?

– Нет, не забыла. Забыла сказать маме, чтобы она не забыла деньги на телефон положить, – призналась она.

Это мне напомнило Полину, которая подошла к отцу и объявила:

– Папа, а ты знаешь, что можешь легко переводить мне деньги на школьную карту? Все папы давно об этом знают!

* * *

Что нужно матери? Терпения, и побольше. Когда оно заканчивается и, кажется, уже все, капец, точнее, конец, меня спасает Софийка. Оказывается, и этот навык тоже тренируется. Не знаю, почему еще никто не додумался вести курс «прокачай свое терпение». Уверена, отбоя от желающих не будет. А то сплошные «прокачай попу», «прокачай скилы». Пресс прокачать мне уже не судьба, да и фиг с ним, с прессом, а вот терпение – очень нужно. Пока над моим терпением

ем успешно работает Софийка. Глаз перестает дергаться и пустырник, даже не форте, действует как антидепрессант. В чем я призналась приятельнице.

– Ты что? Все давно перешли на капли Баха! – воскликнула она. – Вот, попробуй. Пшикаешь в рот, и все хорошо.

Я сделала два пшика. Потом еще два. И еще. Не помогло.

– У каждого свое плацебо, – пожала плечами приятельница.

* * *

Софийка все время что-то теряет и забывает. Была зима, я забирала девочек с тренировки. Все вышли, а Симы с Софийкой нет.

Наконец Сима в панике выскочила в вестибюль.

– Софийка потеряла джинсы! – объявила она. – Я уже всю раздевалку обыскала. Иди сама ищи. Я больше не могу!

Пошла искать джинсы.

– Софийка, какого они цвета?

– Не помню. Но точно черные с полоской.

В заваленной раздевалке я обнаружила только черные без полоски.

– Твои? – уточнила я на всякий случай.

– Нет. – Софийка говорила твердо.

– Софий, натягивай эти. Если подойдут, точно твои, – предложила я.

Натянули. Сели как влитые.

– Твои? – спросила я еще раз.

– Нет! – так же решительно объявила девчужка.

– Других нет. Смотри. Если не твои, завтра я их верну. Но с голыми ногами тебя не повезу, – решила я, поскольку мы уже задерживались на сорок минут.

Софийка согласилась. Оделись. Замотали на куртки шарфы.

– Все взяла? Обруч, мяч? – спросила я.

– Да, – ответила за Софийку Сима, которая собрала ее вещи и держала в руках, чтобы наконец уехать.

– А что это за майка валяется? – спросила я и положила белую майку на лавочку.

– Моя майка, – откликнулась Софийка.

– Точно твоя? Ты в майке утром в школу выходила? – Я надеялась, что майка все же чужая и мы уже выйдем из раздевалки.

– Не знаю, но моя точно. Я всегда майку под свитер надеваю, – ответила девочка.

– А сейчас ты в свитере, – охнула я.

Софийка начала разматывать шарф, расстегивать куртку, чтобы надеть под свитер майку.

– Нет! Так доедешь! Я тебе ее в рюкзак положу! – взмолилась я.

– А почему без майки можно, а без джинсов нельзя? – поинтересовалась Софийка.

– Не знаю. Придумай сама объяснение. Заодно и мне потом расскажешь, – ответила я.

* * *

Решили выехать пораньше – репетиция перед открытым уроком. Брат, Денис, привел Софийку к нам на этаж раньше назначенного времени, которое «пораньше». Вышли.

– Все? Ничего не забыла? Точно? – спросила я.

– Точно, – радостно подтвердила Софийка.

– Ты молодец сегодня. Все вовремя, – похвалила я ее.

Уже на первом этаже Софийка замерла.

– Я обруч забыла, – выдохнула она и выпучила от ужаса глаза.

– Иди без обруча, – велел ей Денис, который тоже собирался куда-то «пораньше» и явно хотел побыстрее избавиться от сестры.

– Не могу, я же с обручем выступаю. – Софийка не двигалась с места.

– Ладно, Денис, поднимайся за обручем. Мы здесь подождем. Я пока заплету Софийку, – решила я.

Денис кивнул, бросился к лифту и почти сразу же вернулся.

– Дверь на лестничную клетку закрыта. А ключи в квартире.

– Соседям звонил?

– Да, никого нет дома.

– Так, а как ты в квартиру попадешь?

– Не знаю.

Оставить ребенка, пусть и подростка, одного на лестнице я не могла.

– Ладно, сейчас придумаю, что с тобой делать.

– У консьержки тети Эли есть запасные ключи, – вспомнил радостно Денис.

– Да, только консьержки нет. Наверное, пошла полы мыть на этажах. Поехали. Ты в одном лифте, я в другом. Девочки, стойте тут. Если увидите тетю Элю, звоните мне.

Мы с Денисом катались по этажам, отлавливая тетю Элю. Поймали. Тетя Эля выдала ключи.

– А ты дверь в квартиру закрыл? – спросила я на всякий случай.

– Нет, забыл, – ответил Денис.

– Понятно, заходите, берите что хотите... – ахнула я.

Денис сбегал за обручем. Мы выехали на тренировку в наше обычное время, когда я несусь сломя голову.

* * *

Дети, особенно маленькие, очень трепетно относятся к вещам. Моя подруга Лена, еще одна мама троих детей, завела в тренировочный зал младшего, двухлетнего Гришу. Гриша побегал, попрыгал и устал. Мы решили пойти пить кофе, а

вещи оставить в зале. Не получилось. Гриша начал собирать свой рюкзачок и рюкзаки старших сестер. Ходил серьезный с видом: «Добро оставили!» Спорить бесполезно. Проще собрать все: от игрушек – двух зайцев, одной собаки и здорового кота – до трех леданок и одних санок. Очень домовитый мальчик растет. Двухлетняя Ева такая же – пока рюкзак не наденет, из квартиры не выйдет. При этом не позволяет ей помочь. Сама должна. А это занятие минут на пятнадцать.

* * *

– Софийка, уроков много задали? – спросила я, забрав девочек с тренировки. Сима уже учила в машине заданное наизусть стихотворение.

– Вообще не задали! – ответила первоклассница Софийка.

– А если подумать? – уточнила я.

– Подумала. Много. Но делать я их не собираюсь! – объявила радостно она.

В это же время моя любимица Полина, с которой я пыталась заниматься русским языком и делать домашнюю работу, написала диктант на четверку. Сложные и словарные слова написала правильно, но сделала две ошибки в слове «хорошо». Вместо «о», написала «а». Сидит и возмущается:

– Почему четверка?

– Потому что две ошибки, – ответила я.

– Так нечестно, слово-то одно!

Ненавижу задания, где нужно вставить букву. Причем в задании указывается, какую именно. Обычно «и» или «ы», «а» или «я», «у» или «ю». Полина написала все правильно, кроме одного слова. «Маша, помоги. Надо сделать работу над ошибками. Здесь какое слово должно быть. Жар?» – прислала мне сообщение Катя.

Тут я от обиды, что все мои репетиторские старания идут прахом, ответила, как учительница: «Задание читать надо внимательно! Правильный ответ – “жир”»! Полина, которая занимается художественной гимнастикой, тонкая и звонкая, с вечно спадающими джинсами и шортами, потому что держаться им просто не на чем, а утягивающая резинка не имеет столько делений, вставила букву «о»: «жор». Подсознание подсказало пропущенную букву. На месте учительницы я бы пять с плюсом поставила – за юмор.

* * *

Разбирали с Полиной деление слов на слоги. Она никак не могла посчитать. Я уже и в ладоши хлопала, и головой мотала из стороны в сторону, как учили нас, – бесполезно.

– Полина, счастье мое, сколько слогов?

– Три.

– А если подумать?

– Четыре?

– А еще подумать?

– Больше или меньше? – Полине понравилось играть в угадайку.

– Так, давай сначала. Как мы определяем количество слогов в слове?

– Сейчас.

Я думала, Полина вспоминает правило или объяснение учительницы. Но она встала, вышла на середину комнаты, одернула юбку, поправила косичку и отчаянно закричала:

– Сколько в слове гласных, столько и слогов, это знает каждый из учеников!

– Боже, у меня уши заложило. Молодец. Правило ты знаешь. Тогда почему не применяешь? «Стрекоза». Сколько гласных?

– Три.

– Правильно. Значит, слогов сколько?

– Четыре!

– Что мы будем делать, когда дойдем до звуков и букв? – ахнула я.

– Уже дошли. Сегодня на уроке.

– Ты что-нибудь поняла?

– Не-а! – радостно отмахнулась Полина. – Но пятерку все равно получила, потому что правило только я знала.

– Поля, мы учим правила, чтобы правильно писать, а не пятерки получать.

– Ничего ты, Маша, не понимаешь в школьной жизни. – Полина посмотрела на меня с жалостью.

Сцена повторялась.

– Полина, птичка моя, почему ты написала «чаща» через «я»? Как нужно? – восклицала я.

Полина вставала, выходила на середину комнаты и громко декламировала:

– «Ча-ща» пиши с буквой «а».

На декламации всякий раз из кабинета выскакивал мой муж, уточняя, все ли в порядке. Точно? Ведь ребенок опять кричит.

Я завела для Полины тетрадку, но мне привычнее писать что-то на бумажках, салфетках, чтобы объяснять быстро. Да и детям обычно нравится писать на чем-то странном, да еще и как хочешь – вдоль, поперек. Да, в тетради должно быть чисто, но я же не учительница и могу позволить себе вольности.

– Полин, смотри, я тебе сейчас быстро объясню. – Я схватила лист бумаги и начала объяснять разницу между твердым и мягким знаками. – Поняла?

Полина кивнула.

– Отлично. Тогда давай запиши несколько слов в строчку, – предложила я.

Полина взяла тетрадку-черновик и принялась что-то усиленно в ней высматривать.

– Полин, ты чего делаешь? – не поняла я.

Моя воспитанница опять вышла на середину комнаты и объявила, естественно, на всю квартиру:

– Красная строка – важная строка! Приложи два пальца к строчке, отступи слегка! У тебя получится красная строка!

– Полина, ты прекрасно читаешь, но могла бы просто сказать, что с красной строки хочешь писать. Хотя сейчас не важно. Мне нужно, чтобы ты с мягким и твердым знаками разобралась.

А главное, каждый раз мой урок, к которому я готовлюсь, подбираю примеры, упражнения и диктанты, обещая самой себе, что все будет серьезно, уже через пять минут перестает идти по намеченному плану. Я начинаю хохотать. Полина хохочет следом. В результате мы с ней опять занимаемся всем чем угодно, кроме домашки.

* * *

Катя прислала фото. Она затеяла генеральную уборку кухни с использованием всех моющих средств. Велела младшей Еве сидеть на стуле и не двигаться.

– Видишь, я в перчатках. Тут везде химия, – объяснила дочери Катя.

Ева кивнула и сказала «ы», показывая на перчатки. Мол, давай такие же. Катя вывалила на стол все имевшиеся в доме. Пока Ева выбирала цвет и фасон, Катя успела отмыть плиту, духовку и помыть полы. Малышка натянула на руки розовые

перчатки с ромашками и сидела, не дыша. Красота. Катя уже понимала, что в этих перчатках Ева пойдет гулять и ни за что их не снимет.

Ева вообще предпочитает сама себе выбирать одежду для прогулок. В жару гуляла в теплой вязаной шапке в виде совы. В летнем красивом платье и в шапке. На следующий день вышла в кепке отца, которая считалась давно утерянной. Кепка закрывала половину Евиного лица, но ее это нисколько не беспокоило. А еще через день она ушла гулять в бабушкиной шапке, меховой. В советские времена очень модной. Из настоящей лисы. Катя перебирала шкафы и наткнулась на эту шапку. Положила в коридор, чтобы не забыть вынести на помойку. Ева водрузила эту красоту на голову и снимать отказалась.

«Девушки, скажите, а моль, как вши, на голове живет? Чем выводить с головы ребенка?» – спросила Катя в нашем родительском гимнастическом чате, где можно задавать любые, самые странные вопросы и никто не удивится.

Дома же Ева могла решить, что у нее сегодня пляж, раздеться, натянуть на голову панамку и в таком виде ходить целый день. И сколько бы Катя ни убеждала дочь, что за окном зима – вон сугробы лежат, снежинки летят, холодно, Ева отказывалась одеваться и снимать панамку. У нее пляж – и все тут.

В этой ситуации я предпочитаю реагировать, как мой сын Василий. Если на качелях на детской площадке сидит дев-

чушка в платье принцессы на три размера больше, значит, так надо. Если мальчик идет в карнавальном костюме очередного супермена, натянув, как положено, маску на лицо, и врывается в прохожих, значит, так надо. Поставьте ребенка в нужном направлении и идите дальше.

Ева решила пойти показать себя в перчатках папе.

– Ева, подожди, еще пол не высох! – ахнула Катя.

Когда она повернулась, Ева топала по полу, натянув перчатки на ноги.

– Боже, Ева... – простонала Катя, представляя, как выведет дочь на прогулку в проеденной молью лисьей шапке, летнем платье и в перчатках вместо сандалий на ногах. – «Вместо валенок перчатки натянул себе на пятки. Вот какой рассеянный с улицы Бассейной», – сказала она.

– Ы-ы-ы-ы? – тут же заинтересовалась Ева и пошла доставать купальник, среагировав на улицу Бассейную.

– Не-е-е-ет, – тихо прошептала Катя, мысленно дополняя образ дочери купальником.

Вечером, чтобы отвлечься и внести интригу в однообразие многолетней жизни, Катя подошла к мужу с клубничной в зубах. Как в фильмах. Тем более что девочки за ужином не доели клубнику, а выбрасывать было жалко. Наутро же клубника обещала превратиться в кашу.

– Ты что, набила полный рот и прожевать не можешь? – обеспокоенно уточнил супруг.

Катя тут же поперхнулась клубничной. Романтика се-

мейной жизни в действии.

* * *

«Знаете, о чем я мечтаю? – Катя прислала вечером сообщение. – Ходить дома без тапочек. Голыми ногами по полу».

«Ты наступила на корону или на орущего пони?» – уточнила я.

«На голову куклы. Почему так больно-то? Она вроде без шипов», – пожаловалась Катя.

«Потерпи. Я все ждала, когда Вася перестанет играть в лего – мне рыцари в пятку вонзались», – вспомнила я.

Пишет уже вечером: «Сижу, наслаждаюсь сушками с киселем. Подошла Ева, стырила сушку и отпила кисель. Пришла Полина, забрала еще несколько сушек и сделала несколько глотков киселя. Следом Алиса. Ну почему? Пакет с сушками стоит в двух шагах. И кастрюля с киселем на плите. Почему нужно забирать и отпивать у меня? Почему у матери все хотят отобрать еду? У меня что – личный ключ от холодильника?»

«Катя, это прямой посыл от мироздания – хватит жрать!» – ответила Лена.

«Да ну вас. Я за поддержкой, а вы...»

* * *

– Моему папе сорок два года! – объявил на детской площадке мальчик Никита.

– Моей бабушке почти столько же. Семьдесят два, – хмыкнула Полина.

– Полина, будешь все лето заниматься математикой! – крикнула в полном ужасе Катя.

* * *

Пришло сообщение от Кати в наш родительский чат, который ничему не удивляется. «Решила покрасить брови. Купила краску. Кто знает, чем консистенция молока отличается от соевого соуса?»

Дальше пошли вопросы – какого конкретно молока: грудного, миндального или соевого? Все так увлеклись обсуждением видов и полезности молока, что Катя так и не покрасила брови.

«А у нас такое, – написала Аня и переслала сообщение из своего школьного чата: – Большая просьба родителям Максима Николаева давать еду ребенку с собой. Спасибо за понимание».

«Ужас», – отреагировали наши мамы, представив, как ре-

бенок ходит голодный и просит еду у других.

«А я-то радовалась, что Тася начала есть, – написала мама Аня. – А она Максима все это время кормила. И не только она. Очень прожорливый мальчик, судя по переписке. Его весь класс подкармливал».

* * *

Рано или поздно, сейчас достаточно рано, дети придумывают себе личные подписи. Уже шестиклашек просят поставить автограф – например, в подтверждение того, что они сдали или получили книги в библиотеке. В нашем детстве мы подделывали подписи родителей. Я в подделках никогда не была сильна, зато мой друг и одноклассник Сашка Горбунов мастерски мог подделать любую. Опять же, в те годы еще требовалась подпись родителей в бумажном дневнике в конце недели. Современные дети сами нажимают в электронном журнале на кнопку «Дневник просмотрен родителями». Мама моей учебой не интересовалась и обычно отвечала: «Давно пора научиться подделывать мою подпись». Я старалась, очень, но не получалось. Учительница два раза сделала вид, что не заметила, а после третьей подделки вызвала маму в школу. Мама в школу явиться не могла, поскольку улетала в командировку. На вопрос учительницы, когда родительница вернется, я тоже ответить была не в состоянии. Честно сказала: «Не знаю». Конечно, мне никто не поверил, потому что

командировки имеют даты начала и конца. Но только не в случае с моей мамой. Тогда-то на помощь и пришел Сашка Горбунов.

– Что тут подделывать-то? – хмыкнул он, посмотрев на образец. – Две закорючки. Вот с моими сложнее.

Я была восхищена подписью Сашкиной мамы – длинная, с завитушками снизу и сверху, подчеркиванием. Особенно впечатляла шляпка на букве «Г» – не шляпка, а шляпище. Я долго тренировалась, пытаюсь придумать себе подпись не хуже, но так и не получилось. До сих пор рисую закорючки. А тогда мы с Сашкой образовали тандем – я писала за него сочинения, он рисовал мне записки с просьбой отпустить с уроков или с сообщением, что у меня болит голова, поэтому я в школу не приду.

Кстати, каллиграфия не только развивает умственные способности у детей, но и успокаивает нервы взрослых. Когда мне кажется, что я плохо соображаю – беру перо, тушь и вывожу буквы по прописям. И всех попадающих под руку детей увлекаю возней с перьями и тушью. А еще показываю настоящие раритеты – промокашку и копирку. Дети в восторге. А если еще рассказать историю про кляксы – вообще полный восторг. Самые неусидчивые егозы (интересно, можно ли употреблять «егоза» во множественном числе; была бы у меня ученица постарше, обязательно дала бы ей такое задание – свериться со словарями) сидят, высунув от усердия языки, и выписывают завитки на прописных буквах.

Вася расписывался в документах. Сима, посмотрев на его подпись, ласково поинтересовалась:

– Ты слоника хотел нарисовать?

* * *

Я заболела. Обычная простуда. Но если я болею, то как в последний раз. Лежу пластом и умираю. Тут еще голос потеряла. Хоть таблички пиши и показывай домашним, которые, конечно же, решили выяснить все насущные и накопившиеся вопросы именно в тот момент, когда мать потеряла способность говорить. Я или кивала в ответ, или мотала головой. Иногда пыталась издать звук, но даже хрипа не получалось.

Моя подруга, вернувшаяся из деревни от мамы, написала, что отправляет мне с курьером гостинцы – мед с домашней пасеки, утку свежезарезанную и куриные яйца, тоже, естественно, только что из-под куриц. Я написала в блокноте: «Курьер» – и показала мужу. «Аккуратнее с банкой, не разбить. Утку – в морозилку».

Курьер приехал неожиданно быстро.

– А где утка? – спросил муж, принимая не пакет с едой, а праздничную коробку. Спросил лишь потому, что я могла ненадолго прийти в сознание и написать гневные записки: как можно было не проверить доставку.

– Не знаю, – ответил, испугавшись, курьер, – не было утки.

Честное слово. Вот, смотрите накладную.

В принципе, муж не удивился. Он давно отвык удивляться курьерским доставкам. Мало ли что я закажу? Значит, так надо. Василий еще в школе освоил услугу доставки, и мы с мужем предпочитали не знать, что находится в коробках. Все-таки он у нас физик, так что мог заказать что-нибудь радиоактивное.

Ну и мы просто уважаем личную жизнь каждого члена семьи, так что относим посылку адресату в комнату.

Вот, вспомнила. Буквально на днях раздался звонок в домофон. Неприлично рано. Сонный муж подошел к домофону.

– Доброе утро! Это курьер. – Юноша был бодр и весел. – Переводные татуировки заказывали?

– А, нет, – радостно ответил муж, – вы ошиблись. Точно не нам.

Как же не нам? Очень даже нам. Сын экспериментирует с двухнедельными переводилками, очень классными, кстати, чтобы выбрать место для постоянной тату. Отец был не в курсе, в отличие от меня. Я сама просила заказать мне какую-нибудь птичку, чтобы реализовать желание юности.

В тот день муж занес в комнату огромную коробку черного цвета, перевязанную черной атласной лентой. Внутри коробки были цветы и что-то еще, точнее, кто-то. Живой. На прилагавшейся к коробке записке черными чернилами было выведено поздравление. От бабушки, моей мамы, внучке – с

отличным окончанием шестого класса. И подпись: «Навеки твоя бабушка», – что в сочетании с черной коробкой, черной лентой и моим состоянием здоровья выглядело... Я не знала, что делать. То ли умирать, то ли срочно звонить маме и спрашивать, с чего вдруг такие посылки.

– Там кто? – спросила с ужасом Сима, держась от коробки, стоящей на столе, на приличном расстоянии. Она вообще сюрпризы не любит. Тем более живые.

– Кажется, бабочки, – весело, но слегка натужно ответил муж, показывая в недра коробки.

– И что с ними делать? – уточнила Сима.

– Не знаю, спроси у Васи, – ответил отец семейства и сбегал в кабинет.

Он, как и Сима, с опаской относится ко всем насекомым. От мух они шарахаются и просят меня или Васю их выгнать немедленно. От ос и пчел просто в панике сбегают. При этом они не разрешают нам с Васей убить даже маленькую мушку. Им ее жалко. Поэтому я бегая по комнатам, размахивая полотенцем, пытаюсь направить полет мухи в сторону балкона или открытой форточки. Мухи не понимают, что я хочу спасти им жизнь, и кружат по комнате. Убедившись, что ни муж, ни дочь нас с мухой не видят, я прихлопываю ее полотенцем. Муха сама виновата. Я сделала все возможное. Комаров тоже убиваем или мы с Васей, или фумигатор.

Я насекомых не боюсь. Вообще мало чего боюсь в жизни. Вася в возрасте Симы и еще раньше обожал жуков, пау-

ков, всех летающих и ползающих. До сих пор у него в комнате под потолком может свить паутину паук, и Вася дает ему спокойно жить. Мне категорически запрещено сметать паутину. К моему счастью, в Васином детстве еще не изобрели муравьиную ферму, так что я избежала появления в доме муравейника. Хотя в многочисленных коробочках сын все время кого-то выращивал и выхаживал. Однажды усадил в спичечные коробки гусениц и ждал, когда они превратятся в куколок, а потом в бабочек. Гусеницы ели свежую траву, спали, гуляли – Вася разбрасывал по полу листья и траву, чтобы гусеницы не догадывались, что гуляют по паркету. Но в куколок они, к счастью, так не превратились. Мне кажется, они умерли от ожорства.

Наша бабушка, видимо, решила, что раз любимый внук обожал насекомых, значит, и внучка будет в восторге от бабочек. Хотя нет. Внуку она бы прислала тарантулов или скорпионов.

Вася открыл коробку и пересадил бабочек на занавеску. Сима орала от страха и требовала вернуть бабочек в коробку. Бабочки оказались настолько прекрасными, что даже мне стало страшно – кислотно-зеленого цвета или ядрено-желтого. Огромные.

– И как их кормить? – спросила, заикаясь от страха, Сима. Это у нее от меня. Она тоже считает, что сначала надо накормить, а потом разбираться, что делать дальше. Вася уже гуглил про питание и воспитание бабочек. «Сколько они жи-

вут?» – написала я в блокноте и показала Васе.

– Зависит от ухода, – ответил он. – Недолго вообще-то. От двух дней до двух недель.

– Тебе уже получше? – подошла ко мне через полчаса Сима.

Я вяло кивнула.

– Тогда шей, пожалуйста, домик для бабочек, они же должны где-то жить.

«Из чего? Есть образец?» – написала я, представляя, что в моем доме появится... как называется дом для бабочек? Серпентарий – для змей. Я решила не пользоваться гуглом, а вспомнить, чтобы потренировать мозг. Но мозг не откликнулся.

«Как это называется?» – написала я сыну.

– Инсектарий, – ответил он.

Точно, я знала, но забыла. У меня в голове крутился баттерфляриум.

Сима принесла мне все требующиеся материалы. Пришлось выпростаться из забытья, чтобы обнаружить себя заваленной сачками для ловли бабочек, ножницами и нитками всех цветов. Потом я распарывала сачки, следуя инструкциям в ютубе. Требовалось сшить сетку так, чтобы бабочки могли жить внутри и спать, прицепившись сверху, то есть снизу. Вася показывал ролики по благоустройству домика для бабочек. Сима просила блюдце и спрашивала, нет ли у нас детского пюре. А если нет, то почему? И тогда надо сроч-

но купить, пока бабочки не оголодали с дороги.

Из кабинета появился муж, видимо, услышав мой безмолвный крик отчаяния, и предложил выпустить бабочек на свободу. В парк. И снова скрылся в кабинете, увидев, как я дошиваю инсектарий, а Вася показывает сестре, как правильно держать бабочку за пузо.

Нет, они хуже мух. Кормиться, как выяснилось, их нужно приучать и даже заставлять.

– У нас есть зубочистки? – спросил Вася.

«Есть. На кухне, вторая полка снизу, – написала я в блокноте. – Бабочкам нужно из зубов мясо выковыривать?»

– Нет, мам, их нужно накормить, – чуть не плача, объяснила Сима, – взять за пузико, поднести к блюдечку, зубочисткой расправить хоботок и макнуть во фруктовое пюре, чтобы они поняли, что это еда. Им можно есть или детское пюре, или банан. Можно половинку сладкого апельсина, сок, мед, разведенный водой, но домашний, а не магазинный.

«Пусть едят, что дают. Мед есть, и сок тоже», – написала я, уже отчаянно ненавидя бабочек. Все внимание было приковано не ко мне, больной и требующей заботы, а к ним, видишь ли, уставшим от поездки.

Вася как-то быстро разобрался с хоботками и выкармливал выводок. Одна бабочка оказалась очень бойкой и ела без всяких зубочисток. Вторая капризничала. Третья, кажется, была уже того, но Вася решил не сообщать об этом сестре. Тем более что Сима всем дала имена – Мия, Стефани, Ан-

дреа, Эмма и Оливия. А если ребенок кому-то дал имя, то все. Этот кто-то стал членом вашей семьи.

К вечеру выяснилось, что бабочки какают, как коровы. Загадили весь инсектарий.

«Как они размножаются? – написала я сыну. – Они все девочки?»

Сима тоже прочла мои послания и удивилась:

– Мам, ну, конечно, они все девочки. Как могут бабочки быть мальчиками?

«А вдруг? Тогда они отложат яйца, и мы будем воспитывать гусениц», – написала я.

– Я не хочу воспитывать гусениц, – расстроилась Сима.

– Не переживай. Из гусениц снова появятся бабочки, – подбодрил сестру Вася. – Я так в детстве думал. Собирал с листьев гусениц, клал их в спичечные коробки и ждал, когда они превратятся в бабочек.

– Превращались? – уточнила Сима.

– Нет. Ни разу, – признался Вася.

В дверь опять позвонили.

«Открой, пожалуйста, наверное, это моя утка», – написала я мужу сообщение.

– Кто там? – спросила дочь.

«Курьер. Утку привез», – написала я на листочке.

– Живую? – ахнула Сима и сбежала в свою комнату. После живых бабочек утка тоже могла оказаться вполне себе крякающей.

«Вася, скажи сестре, что утка уже мертвая. Пусть выходит из комнаты», – написала я сыну.

– Мам, ты правда хочешь, чтобы я Симе сейчас про труп утки рассказывал? – Сын пришел ко мне в комнату.

«Просто положите ее в холодильник», – написала я.

Ночь не пережили две бабочки. Утром они не подавали признаков жизни.

У меня даже голос прорезался от переживаний. Я могла хрипеть.

– Надо сказать Симе, что они отправились на радугу, – сказала я сыну.

– Мам, на радугу вроде собаки отправляются, – заметил Василий.

– Какая разница? Сходи с Симой в парк и положи бабочек на листочки деревьев! – прохрипела я.

– Что, они уже того? – спросила проснувшаяся Сима с плохо скрываемой радостью в голосе. – Пойдем в парк, посадим их на листики.

Мы с Васей открыли от изумления рты.

Впрочем, Эмма, оказавшаяся самой умной из бабочек, прожила у нас две недели, как и положено долгожительнице. Мы были счастливы. Значит, хорошо за ней ухаживали.

Я хотела спросить у мамы, что было в ее голове, когда она отправляла внучке бабочек в траурной урне, то есть коробке, но не могла. Все-таки иногда хорошо, что у меня пропадает

Пришло сообщение от Симиной классной руководительницы: «В следующем году будет другой преподаватель по алгебре. Ян Борисович от нашего класса отказался. Попросился в другой». Дети расстроились. «Мы же ему ничего плохого не успели сделать», – уверяли они дружно. «Слабак», – написал Никита. «У него просто нет своих детей. Он в них не разбирается», – пожалела математика Катя.

Впрочем, Ян Борисович сбежал и из другого класса и вообще из школы. Девочки пытались его защитить и находили оправдание: «Он понял, что преподавание – не его», «Мы ведь совершенно невыносимы. С подростками трудно работать. А он еще очень молод. У него все впереди!» – писали они сообщения в чат. «Слабак!» – стоял на своем Никита. «Тяжело ему будет жену найти», – посочувствовала Катя. «Подумаешь, тридцать шестиклашек, попробовал бы он с одним младенцем справиться», – поделилась наболевшим Кристина, которая вдруг стала старшей сестрой, хотя в ее планы это не входило.

– Мам, я понимаю Яна Борисовича, – призналась Сима, – я бы тоже от нас сбежала. С нами талант нужен, а не просто способности.

* * *

Детей опять попросили заполнить анкеты – расформировывали по разным классам. «Любимая музыкальная группа, исполнитель?» Сима ответила – «Чайковский».

«Есть ли у тебя домашние животные? Какие?» Никита ответила: «Да, есть. Два младших брата».

«Ваши пожелания на следующий учебный год?» Дети ответили: «Счастья, здоровья, успехов в личной жизни».

* * *

Наша любимая бабушка, моя мама, должна была приехать в гости. Написала в последний момент, когда уже такси стояло у нее под подъездом: «Не могу. Упала. Лицо разбито».

Мне поплохело. Мама уже в возрасте. Любое падение опасно.

Я позвонила:

– Мам, где упала? Как?

– Не знаю, в ванной поскользнулась, – простонала родительница.

– Ты лежишь? Может, «Скорую» вызвать?

– Да, лежу. Не надо «Скорую». Ничего не сломала, только на лице синяк здоровенный. Не хочу внуков пугать.

– Тебе больно? Выпей хотя бы таблетку.

– Да, больно. Уже выпила. – Мама говорила очень убедительно.

– Все, я выезжаю к тебе, – объявила я.

– Нет, ни в коем случае! Я тебе дверь не открою. Сейчас лучше посплю. – Мама как-то разволновалась. Но она всегда волнуется, когда я объявляю, что приеду. Ей кажется, что я приезжаю с инспекцией и начну непременно ругаться. В принципе, так и происходит. Я начинаю ругаться. «Неужели нельзя хотя бы бульон себе сварить? Почему у тебя хлеб в хлебнице уже плесенью покрылся? Ты еще не настолько в возрасте, чтобы не сходить в магазин! Если не можешь, позвони мне, я все привезу или организую доставку, если не хочешь меня видеть. Зачем доводить до последнего?»

Но маму уже не изменить. Иногда, когда ей удобно, она впадает в состояние «сиротинушки», как я это называю, которая живет от пенсии до пенсии и экономит на молоке. Что, конечно, совсем не так.

Единственный человек, которому мама безропотно открывает дверь, ее бывшая сиделка Люба. Она упала мне счастьем на голову, когда я уже отчаялась найти сиделку для мамы. Несколько лет назад мама попала в тяжелую аварию и после больницы наотрез отказалась жить с нами. Мне она попросту не открывала дверь, не принимая меня в роли помощницы. Остальных помощниц и сиделок даже увольнять не приходилось, они сами сбегали через пятнадцать минут

общения с моей родительницей. Только Люба нашла к ней подход, и только ей мама безропотно повиновалась. Ну почти безропотно. Мама помнила, что Люба и дверь может взломать, и МЧС вызвать, как уже случилось. Мама ее побаивается и готовится к ее приходу, как на парад, – маникюр делает, в салон бежит, щи-борщи варит. Даже прибирает квартиру, хотя Люба приезжает ровно за этим – убрать, приготовить.

– Люба, привет. Мама опять... зажигает... Упала, лицо разбила. Я волнуюсь. От моей помощи, естественно, отказывается. – Я позвонила Любе.

Та, конечно же, сорвалась с работы и поехала к маме. Прислала фото.

– Люба, дай Ольге Ивановне трубку, – потребовала я, потому что мама на звонки не реагировала.

Фоном я слышала, что она отказывается со мной разговаривать.

– Что случилось-то? – спросила меня Люба.

– Она нити сделала, а не лицом в пол упала! – рывкнула я.

– Какие нити? – не поняла Люба.

– Для красоты и молодости! – орала я. – Передай Ольге Ивановне, что в следующий раз я ей даже звонить не буду! Ну почему нельзя было сразу сказать, что сходила к косметологу, вставила нити, а не врать про падение в ванной лицом в пол?

– Ольга Ивановна передает, что в этом случае ты бы руга-

лась и орала, – ответила Люба.

– А сейчас я что, спокойна?! Не ору?! – Я сама мечтала вставить нити так, чтобы у меня перестал дергаться глаз.

– Вот поэтому я и не хочу тебя видеть! – крикнула в трубку мама, забрав на секунду телефон у Любы.

* * *

Мы уехали в отпуск. Но карма настигла меня и на отдыхе. Видимо, я кого-то отравила в прошлой жизни, поэтому в нынешней всех кормлю. И попутно занимаюсь чужими детьми.

Лежали на пляже. Я читала. К нам подошла девочка лет трех и начала копать в песке ямку. В ее распоряжении был большой пустой пляж и еще несколько прекрасных семей. Нет, она обосновалась рядом с моей головой. Сначала я ей надела свою шляпу, потому что солнце уже припекало. Потом Сима помогла ей построить замок.

– Где твоя мама? – спросила я малышку уже обеспокоенно. Прошло добрых полчаса, а ее родителей в округе не наблюдалось.

– Мама, – повторила, улыбаясь, та. Опять мне попался неговорящий ребенок. Хоть бы раз болтун встретился.

– Тебя как зовут? – спросила я и протянула ей конфетку.

– Еся^, – сказала малышка с ударением на «я».

– Больше конфет нет. Яблочко будешь? – Я выдала девочке яблоко, которое та быстро съела.

– Сё, – сказала она.

«Сё – это, наверное, всё», – догадалась я.

– Так как тебя зовут?

– Еся^, – повторила малышка.

– Зайка, у меня больше ничего нет вкусного, – расстроилась я. – Интересно, где же твоя мама?

– Мама, – улыбнулась девочка.

Девочку звали Есения, Еся, только она делала ударение на «я», поэтому я и не догадалась. Ее уже сорок минут по всему гостиничному комплексу в панике искала мама. Она оставила дочь на детской площадке, чтобы сбежать в туалет. Под присмотром другой мамы с ребенком. Но, видимо, те наигрались и ушли. Вот поэтому я сдаю всех детей из рук в руки родителям. Даже подростков. Сердце сковывает ужасом, когда представляю ребенка без присмотра. Меня в детстве постоянно теряли и забывали, так что я могу понять чувства ребенка и уж тем более дикий страх матери.

По пляжу бегали люди. Мы тем временем искупались, и малышка устроилась у меня между коленями. Грелась. Но мы же не знали, что ищут потерявшуюся девочку, которой надоело ползать по горке на детской площадке, и она потопала на пляж. Просто смотрели, как по пляжу туда-сюда бегают люди. Я развлекала малышку сказкой про Русалочку в вольном пересказе – мол, ее видели именно здесь и теперь ищут, потому что принц места себе не находит, не спит и не ест. Только про Русалочку и думает.

Мы, конечно, нашли Есину маму. Доложили, что Еся искупалась, съела яблоко и конфетку, построила замок. Все хорошо.

Ну почему нельзя называть детей понятно? Есения, безусловно, прекрасное имя, но «Еся», которое слышится как «есё» в речи ребенка, может означать что угодно. От «всё», до «ещё». А также еще много других слов.

Тем же вечером к Симе на детской площадке подошел мальчик. Маленький. По виду трехлетка. Бесхозный.

– Давай играть, – сказал мальчик. – Я кокодил и тебя сем!

– Мам, тут еще один ребенок без пригляда! – крикнула мне Сима, пребывая в некотором ужасе.

– Давай уйдем. Второго за день я не выдержу! – взмолилась я.

– Я тоже не выдержу, но надо! Иди ищи его маму, – велела мне дочь, усаживая мальчика на качели.

* * *

Полуторагодовалая девчушка плавала в бассейне под приглядом родного отца. Папа решил сфотографировать дочь. Малышка начала истошно кричать.

– Что? Вытащить тебя? Круг дать? Что? – не понимал отец.

Малышка орала уже громко и надрывно. Куда-то показывала. Злилась, что ее никто не понимает. Все окружающие

пытались помочь и высказывали предположения, чего хочет ребенок.

– Пить, – авторитетно заявила чья-то бабушка.

– Нет, она куда-то показывает. Цветочек? Ты цветочек хочешь? – возразила чья-то мать.

Ребенок вопил пуще прежнего, показывая на родного отца.

– На ручки хочешь? – Он уже впал в панику.

– Господи, да что непонятного? – выскочила из душевой мать девочки. – На две минуты ушла. Ты телефон мой взял. Вот она и кричит. Все, Дашуля, смотри, папа отдал мне телефон. Да, он больше так не будет. Да, папа? Ты не будешь брать мой телефон. Нельзя брать чужие вещи.

– Да я сфотографировать только хотел! – оправдывался отец.

* * *

Моя любимица Полина вечером, укладываясь спать, любит задавать маме сложные вопросы:

– Мама, а зачем женщины на свидания ходят?

– Затем, чтобы через десять лет стоять у плиты, готовить еду, убирать и стирать, – ответила уставшая до чертиков Катя.

– Ладно, не пойду на свидание с Петей, – решила Полина.

– Мам, давай заведем котика? – попросила Полина.

– Нет, это плохо может кончиться, – ответила Катя.

– Для кого? – уточнила Полина.

– Для котика.

– У них что, тоже бывает аллергия?

– Не знаю. Почему ты так решила?

– Потому что Насте из моего класса завели котика, но у нее началась аллергия. И его пришлось отдать бабушке на дачу. А бабушка за ним недоглядела, и он ушел на все четыре стороны, как сказала бабушка. И для него это точно плохо кончилось.

Катя не стала рассказывать дочери, почему не хочет заводить дома домашних питомцев. Никаких. В детстве у них в доме всегда жили коты. На даче так и вовсе три штуки. Один слепой, другой хромой, третий нормальный, но злой. Все коты были найденышами – их приносила в дом младшая Катина сестра Аня. Они буквально попадались ей под руки или под ноги. Многих вылечивали и пристраивали в «добрые руки». Но с некоторыми Аня ни за что не хотела расставаться. Так в их квартире появился Лорик, позже переименованный в Лелика, поскольку маленькая Анечка не выговаривала «эр». Лелик был уже подроженным котом и считал свою маленькую спасительницу кем-то вроде котенка, поэтому терпеливо сносил все игры в дочки-матери, когда Анечка устраивала Лелику тугое пеленание в одеяло. И покорно жевал морковку, виноградину и конфеты – все то, чем Анеч-

ка его кормила во время игры в чаепитие. Стерпел бедный Лелик, даже когда девочка решила сделать его красивым и обрезала детскими ножницами усы. Причем с одной стороны. Мама Анечки и Кати увидела, что у домашнего питомца что-то не так с внешностью, и дочку отругала, конечно. Девочка, чувствуя себя виноватой перед Леликом и признавая, что стрижка не сделала его краше, решила все исправить. Она замотала Лелика в одеяло и попробовала вытянуть усы с другой стороны. У нее была мягкая игрушка, тоже кот, у которого усы тянулись в обе стороны. Вот тогда Катя, спасая Лелика от сестры и выравнивания усов, поклялась себе, что никогда никого не заведет в собственном доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.